

А. Д. Лебедев

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА В ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ БССР (20-Е ГГ. XX В.)

После установления в Беларуси советской власти произошли резкие изменения практически во всех сферах жизни общества, в том числе в религии и образовании. Церковь в соответствии с декретом «О земле» от 26 октября 1917 г. была лишена земельных владений [1, С. 17]. Следующим декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. церковь лишалась статуса юридического лица, запрещалось преподавание религиозных предметов в школе, отменялся церковный брак. Кроме того, духовенство лишалось избирательных прав, его деятельность подвергалась крупным штрафам, началось массовое закрытие храмов, религиозные общины облагались большими налогами [2, С. 188; 1, С. 373, 374; 3, С. 156, 157, 169; 4, С. 123; 5, С. 45-50; 6, Л. 74, 77]. Наконец весной 1922 г. советская власть нанесла очередной удар по положению церкви, развернув кампанию по изъятию церковных ценностей, в ходе которой ревизии подверглись культовые сооружения всех конфессий [3, С. 159; 7, С. 221, 227, 228; 8, С. 279; 9, С. 92].

Что касается системы образования, то как уже упоминалось в соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», преподавание религии в школе отменялось [1, С. 373; 7, С. 185]. Несколько позже было запрещено вывешивать в учебных заведениях иконы, а духовным лицам занимать какие-либо должности в школе [10, С. 77]. В 1925 г. был официально взят курс на безрелигиозное образование, а в 1928/1929 учебном году на вооружение берется уже новая концепция – атеистического образования [11, С. 296, 297; 10, С. 83].

Начало польской советской школе положило постановление Народного комиссариата просвещения республики (НКП) от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств» [13, Л. 1; 14, С. 120]. С этого времени наблюдается бурный рост сети польских учебных заведений. Так, уже в 1921 г. в БССР польских школ было 79, в 1925/1926 учебном году их насчитывалось 99, а в 1926/1927 учебном году уже 132. Кроме того, в 1923 г. в Минске был открыт польский педагогический техникум, а с 1926 г. начали работать учительские

курсы [15, С. 43; 16, С. 200; 14, С. 121]. Специфической чертой польской национальной школы был очень высокий уровень религиозности, который сильно затруднял проведение атеистической работы, и вероятно, по этой причине, в литературе появилась точка зрения, что антирелигиозная пропаганда до конца 20-х гг. здесь «почти не осуществлялась» [12, С. 211; 10, С. 80]. Однако, знакомство с архивными материалами позволяет несколько уточнить и углубить представление по данной проблеме.

Одним из основных направлений антирелигиозной работы государственных органов 20-х гг. в польской школе было наблюдение и сбор данных о влиянии религии. Такую работу выполняли Польское бюро (Польбюро) ЦК КПБ(б), государственное политическое управление (ГПУ) и НКП.

Первое направление работы – это общие замечания о религиозности польской школы в целом. Уже на заседания коллегии Агитпропотдела (АПО) Гомельского губкома 12 декабря 1922 г. был заслушан доклад могилевских коллег, в котором отмечалось, что в польских школах Могилева «сильно развиты клерикальные течения» [17, Л. 33]. В 1929 г. работниками Польбюро ЦК ВКП(б) был обследован ряд польских школ на всей территории СССР, в том числе и БССР, в ходе чего выяснилось «наличие сильного влияния католической религии на польтрудшколу» [18, Л. 42].

Следующий аспект – это сбор сведений о религиозности учащихся польских школ. Наиболее часто речь идет о хождении детей на исповедь. Подобные случаи зафиксированы в бобруйской [19, Л. 137], 33-й минской [18, Л. 47], 6-й минской [20, Л. 259] и других польских школах. Для примера приведем полный текст объяснительной записки ученика 6-й минской школы Александра Боровича, заверенной сотрудником ГПУ: «Я, нижеподписавшийся пионер отряда при школе № 6 был на исповеди и исповедывался по принуждению отца и матери. Борьтсья с этим я не мог и должен был идти в костёл. Я исповедывался у ксендза Войцеховича 12.03.1929 г. Он говорил мне, чтобы я не бросал веру, а из пионеров он мне не велел выписываться. Я – неверующий, но своих родителей я не смог побороть. Вышесказанное является правдой». Всего, по 6-й Минской школе работниками ГПУ было собрано восемь подобных объяснительных записок [20, ЛЛ. 259, 260].

Кроме исповеди, уделялось внимание и посещению костёла. Так, в 1929 г. работники Польбюро ЦК ВКП(б) отмечали «наибольший процент посещаемости костёла в следующих школах: койдановская – 54 %, витебская – 44%, 6-ая Минская – около 40%» [18, Л. 42].

Соответственно посещение костёла связано с непосещением школы во время религиозных праздников. Например, на занятиях в школе в д. Тропы, Высочанского района Витебского округа в 1929 г. «во время праздника рождества было 6 человек учеников, а на пасху 5 человек, из 38 учеников во всей школе» [21, Л. 85].

Не без внимания со стороны партийных органов оказывалось и отношение детей к религии и духовенству. В 33-й Минской школе «среди части учеников имеется желание не затрагивать вопросов религии и костёла при преподавании того или другого предмета. <...> Некоторые ученики упорно и настойчиво, при случае, пишут бог с большой буквы. Другие слово «ксѣндз» в антирелигиозном стихе для стенгазеты заменяют словом «поп» и т.д.» [18, Л. 47]. В 1929 г. в новополесской школе Круглянского района Оршанского округа «у час посту польскія дзеці ... не жадалі сьпяваць рэвалюцыйных песен» [22, Л. 71].

Наконец, особый интерес властей вызывало участие школьников в религиозных обрядах, в жизни костёла. Так, в характеристике шкловской школы отмечено, что «2 ученицы поют в костельном хоре, но учителя об этом якобы не знали» [18, Л. 43]. В 1929 г. в новополесской школе «сярод дзяцей зьбіралі па 10 капеек, перад вялікаднём, каб прывесці з Талочына «свінцоную» воду» [22, Л. 71]. В д. Рудня Столбунская Ветковского района Гомельского округа «имеются такие случаи, как принесение молитвенных книжек в школу учениками и чтения там молитв, а также принесение «кантычек» и разучивание с детьми религиозных песен» [23, Л. 131].

Иногда под наблюдение попадали и родители школьников. В витебской школе был зафиксирован случай, «когда одна из матерей пришла в школу и уговаривала детей, что «не надо верить в то, что говорят в школе. Бог есть, а кто не верит – это быдло» [21, Л. 107]. В 33-й минской школе нередко «родители запрещают детям ходить в праздники в школу и посещать антирелигиозные вечера. Они заставляют их посещать костёл, идти к исповеди, принимать пост» [18, Л. 47].

Следующее направление в работе властей – это сбор сведений о религиозности учителей. Вот несколько общих характеристик, данных педагогам работниками партийных органов. В 1921 г. на собрании коммунистов-поляков в Минске было отмечено, что польские учителя «открыто выражают ... клерикальные взгляды» [14, С. 124]. В 1928 г. Польбюро свидетельствует следующее: «Польское учительство в своем большинстве не отвечает назначению. Часть его, и не малая, находится под влиянием враждебных нам элементов, в частности

духовенства» [24, Л. 207]. Ситуация в округах была признана аналогичной. Так, в Витебске утверждали, что «учительская группа ... требует обновления. Это одна из серьезнейших причин задержавших развитие антирелигиозной работы» [21, Л. 107], в Бобруйске «некоторая часть [польского учительства – А.Л.] патриотически-религиозная, по сведениям ГПУ, имеется связь с католическим духовенством» [25, Л. 120].

В ходе этой работы Польбюро тесно сотрудничало с ГПУ. Например, в письме под грифом «совершенно секретно», датированном 1925г. и адресованном лично секретарю Польбюро ЦК КПБ(б), сообщалось: «Временно списков неблагонадежных учителей дать Вам не можем, отмечаем только, что из имеющихся у нас материалов видно, что все ксендзы ... посещают от времени до времени учителей этих [польских и белорусских – А.Л.] школ и ведут среди них агитацию» [26, Л. 2]. 10 декабря 1928 г. из ГПУ в Польбюро ЦК КПБ(б) поступила докладная записка, в которой давалась оценка деятельности группы учителей одной из минских школ: «Благодаря скрытому идеологическому влиянию на учащихся со стороны этих учителей, мы имеем факты активного участия учеников 6-й польской школы в религиозных католических процессах, а также посещение костела» [20, Л. 172].

Поток информации о религиозных настроениях шел и в обратном направлении. Так, секретарь Гомельского Польбюро А. Минейко 10 декабря 1929 г. сообщил в местный отдел ГПУ о своих подозрениях относительно заведующего польской семилетней школой С. Най, который «всеми силами маскируется как преданный советский работник и хороший антирелигиозник, но между прочим свою дочку крестил в костёле, а сын его с бабушкой ходит и теперь в костёл» [27, Л. 130-133].

Кроме ГПУ и Польбюро, интерес к религиозности учителей проявлял и НКП. В мае 1928 г. гомельский инспектор польской культуры получил письмо из Минска, в котором запрашивали характеристики на работников польских школ. В характеристике должен был обязательно содержаться пункт, отражающий отношение учителя к костёлу, ксендзам и религии [28, Л. 29].

Власти стали формировать списки учителей польских школ, в которых указывалось их отношение к религии. Например, учительница Бржозовская (Витебский округ, Суражский район, д. Степанково) «скрытно верующая», учительница Вильчинская (Полоцкий округ, Полоцкий район, Валюшанская школа,) «трымае сувязь з ксяндзамі», учительница Журавская (Полоцкий округ, г. Дриса, 7-летняя школа)

«венчалась тайна з мужам у Беладворскім касцёле» [20, ЛЛ. 152, 255], учитель Мохоров (Гомельский округ, Ветковский район, д. Утонька) «религиозный, находится под влиянием ксендза Лукьянина», учительница Оскерко (Гомельский округ, Гомельский район, д. Абрамовка) «религиозная, хитрая, необходимо наблюдение» [25, ЛЛ. 56, 57].

Особое внимание власти уделяли влиянию на польскую школу ксендзов. В 1924 г. после ознакомления с Могилевским уездом работник Польбюро Гомельского губкома РКП отмечал, что в регионе «ksenдзов столько, сколько и учителей, только с той разницей, что ксендзы гораздо умнее учителей, хорошие организаторы, имеющие большое влияние как на школу, так и на массы; имеют какую-то скрытую цель» [29, Л. 24, 24 об.]. Как всегда подобные вопросы интересовали и ГПУ. В середине 20-х гг. это ведомство информировало Польбюро ЦК КПБ о том, что духовенство посещает учителей. Не оставалась незамеченной и педагогическая деятельность священников. Так, в Могилевском округе «ksenдз Фащевского костёла ... с 1-го мая почти ежедневно производит в костёле занятия с детьми ... ксендз не только подготавливает детей к первой исповеди, но также старается их воспитать в национально-шовинистическом духе» [26, Л. 2].

Серьезнейшей проблемой для государственных органов была высокая религиозность поляков и, как результат, – конфликт между властями и населением из-за отсутствия религиозных предметов в программах школ. Декретом от 23.01.1918 г. преподавание религии в школе запрещалось; неудивительно, что подобная политика вызвала недовольство польского населения. Как свидетельствуют материалы Польбюро и НКП, католики буквально не представляли себе существование школы без религии. Более чем красноречивые сведения на этот счет содержатся в справке о положении в Бобруйском округе, датированной 1925 г.: «Клерикализм – вот причина существования польской школы. Это в конечном итоге не отрицают и сами руководители польских школ», а так же имеется «большое желание польского населения к открытию польских школ ... эти желания в большинстве высказываются с тем, чтобы научить детей польскому языку, что облегчает возможность молиться богу в костёле ...» [30, ЛЛ. 104, 131]. На протяжении всех 20-х гг. работники партийных органов регулярно фиксировали факты недовольства польского населения безрелигиозным образованием, а так же его требования о введении «закона божьего» в качестве учебной дисциплины. Такое положение отмечалось в Слуцком, Борисовском, Гомельском, Мозырском и ряде

других округов [31, Л. 13 об.; 32, Л. 83; 33, ЛЛ. 10, 101; 34, Л. 100; 35]. Например, в 1927 г. на конференции беспартийных крестьян-поляков Плещеницкого района, Борисовского округа было высказано требование внести в резолюцию следующий пункт: «Конференция просит Советскую власть и компартию о введении преподавания религии в школах». Как свидетельствует автор докладной записки: «не помогли разъяснения как со стороны секретаря Польбюро ОК КПБ, так и секретаря РК КПБ» [36, Л. 63]. Естественно, власти никогда не уступали таким требованиям и обучение по-прежнему оставалось безрелигиозным. Кроме недовольств и требований, поляки иногда отказывались посылать своих детей в советскую школу [30, Л. 48] и вели агитацию против учителей, которые не желали нелегально преподавать религиозные предметы [31, Л. 13 об.; 37, Л. 52, 53].

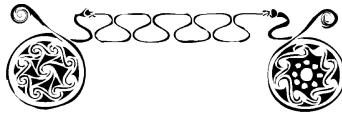
Выход из сложившейся ситуации был найден довольно просто: поляки обратились к дореволюционному опыту организации нелегальных школ. Уже в 1923 г. секретарь Польбюро ЦК РКП(б) С. Гельтман предупреждал нижестоящие органы о том, что «польское население особенно дорожит ... школами, библиотеками и вообще культурно-просветительским делом ... в течение десятилетий преследований научилось нелегально добывать просвещение на родном языке» [38, Л. 16]. Деятельность в среде поляков нелегальных учебных заведений с преподаванием религии зафиксирована в документах 1923, 1924 и 1925 гг. [14, С. 150-151; 39, Л. 10; 40, ЛЛ. 16, 17; 41, Л. 144].

Например, в 1925 г. в Польбюро ЦК КПБ(б) узнали о том, что «в декабре месяце в Дрисенском районе была обнаружена нелегальная школа, где учительницей обучались дети религии (катехизма)» [41, Л. 144]. Иногда речь шла не столько о школе в прямом смысле слова, сколько о домашнем религиозном воспитании [42, С. LX].

В некоторых случаях возникновение подобных школ было спровоцировано языковой политикой властей в системе образования. Сразу после открытия национальных школ партийные работники и работники НКП, к своему удивлению, обнаружили, что местное польское население практически не владеет родным языком и в повседневном общении в большинстве случаев говорит по-белорусски. [14, С. 101, 102, 121, 165; 32, Л. 139; 25, Л. 124]. В подобной ситуации было принято решение сменить язык обучения [15, С. 96]. Однако очень скоро выяснилось, «что такие попытки закрытия или замены [польских школ на белорусские – А.Л.] вызывали взрыв антисоветской агитации, усиление ксёндзового влияния, дети бросали белорусскую школу, в таких деревнях создавались нелегальные, католические,

религиозные школы» [39, Л. 10]. Желание обучать своих детей в польских школах население обычно мотивировало следующим обстоятельством: «чтобы они могли молиться по-польски и понимать костельную службу» [43, С. 96]. Подобные явления партийные работники объясняли тем, что «польский язык является у них как бы священным» [20, Л. 285].

Итак, польская советская школа 20-х г.г. XX в. находилась под сильным влиянием католического костёла.

Литература:

1. Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1.
2. История советской конституции (в документах). 1917-1956. М., 1957.
3. Канфесіі на Беларусі (кон. XVIII - XX ст.) / В.В. Григорьева, У.М. Завальнюк, У.Л. Навіцкі, А.М. Філатава. Минск, 1998.
4. Пушкін І.А. Рэлігійнае пытанне у жыцці нацыянальных меншасцей (20-я г.г. XX ст.) // Старонкі гісторыі Магілёва: Зб. навук. прац. / Уклад. І. Пушкін. Магілёў, 1998.
5. Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. М., 1961.
6. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.161, Оп. 1. Д. 193.
7. Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. Саратов., 2001.
8. Протьюко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.). Минск, 2002.
9. Wrobel J. Polityka ZSRR wobec kościoła katolickiego w latach 1917 – 1939 // Polaci w kościele katolickim w ZSSR. / Red. E. Walewander. Lublin., 1991.
10. Шаўрук В.І. Атэістычнае выхаванне ў школах Беларусі (1920-1930 гг.) // Весці АН БССР. 1965. №1: Серыя грамадскіх навук.
11. Кружлов А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917 – 1987 гг.). Минск, 1989.
12. Кузьмитович Е. С. Осуществление принципа антирелигиозного воспитания в советской белорусской школе // 50-летие декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: Труды республиканской научной конференции (г. Гродно, 8-10 февраля 1968 г.). М., 1969.
13. ГАГО. Ф.60. Оп. 1. Д. 1508.
14. Костошко П.П. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.

15. Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Ч. 1: Белоруссизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск, 1927.
16. *Лейзеров А.* Участие поляков в государственной, экономической, культурной жизни Беларуси (1920 – 1930-е годы) // Нацыянальныя пытанні. Минск, 2001. С. 193-201.
17. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф.1. Оп. 1. Д. 1659.
18. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.4-п. Оп. 11. Д. 90.
19. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 100.
20. Там же. Д. 76.
21. Там же. Д. 102.
22. Там же. Д. 112.
23. Там же. Д. 104.
24. ГАООГО. Ф.69. Оп. 1. Д. 887.
25. ГАООГО. Ф.3. Оп. 1. Д. 393.
26. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 38.
27. Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области. Д. 2870.Т. 10.
28. ГАООГО. Ф.3. Оп. 1. Д. 113.
29. Там же. Д. 2228.
30. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 21.
31. ГАООГО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2275.
32. ГАООГО. Ф.69. Оп. 2. Д. 102.
33. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 22.
34. Там же. Д. 29.
35. Известия Гомельского губернского комитета РКП(б). 1924. № 73.
36. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 70.
37. ГАООГО. Ф.2. Оп. 1. Д. 672.
38. ГАООГО. Ф.1. Оп. 1. Д. 1656.
39. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 11.
40. ГАООГО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2211.
41. НАРБ. Ф.4-п. Оп. 11. Д. 31.
42. Книга памяти: Матриолог Католической церкви в СССР / Авт.-сост. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М., 2000.
43. *Гимбут В.* Организация народного образования среди национальных меньшинств в Беларуси: первые шаги трудного пути (перв. пол. 1920-х годов) // Беларусь у XX стагоддзі. Минск, 2003. Вып. 2.